

Уговоры, наконец, увенчались успехом - старый Гу и Четвертый брат Гу сдались. После того, как Гу Хуэй вытер головы Цай Сяолинь и ее дочери, смазал лекарствами, все вернулись в старый дом. Гу Синь робко потянула за край рубашки Гу Шоусина и прошептала: - Отец, я слышала. - А? Гу Шоусин на мгновение опешил. - Отец сказал, что больше никогда не будет играть. Гу Синь почувствовала, что становится всё смелее. Она осмелилась сказать такое своему вспыльчивому отцу-игроку. - Ну да! Хмм, после того, как все уладится, отец больше не будет играть. Отец обещал Второй... хмм, отец обещал Синь Синь. Гу Шоусин хотел было сказать "вторая дочь", но после стольких лет игры он просто не мог называть своих дочерей "первой" и "второй". Ему было не по себе от слова "вторая". Разве не лучше называть ее по имени?- Синь Синь? Гу Синь, словно испуганный цыпленок, сжалась. Синь Синь... Какое красивое имя. Она знала, что ее зовут Гу Синь, но никто никогда не звал ее Гу Синь или Синь Синь. Всегда только "вторая". Ей понравилось, как ее назвал отец. Цай Сяолинь уже проснулась. Она слышала разговор в комнате и сравнивала его с образом мужчины из ее воспоминаний. "Черт возьми, неужели этот безответственный пес изменился? Неужели он тоже перенесся в другой мир?" Нет, нет, нет. Она не должна выдавать себя. Сначала нужно посмотреть, что происходит с этим псом. - Эн, Синь Синь, оставайся здесь и ухаживай за матерью. Как только почувствуешь себя лучше, иди к сестре. Я пойду на кухню, приготовлю поесть. Гу Шоусин посмотрел на свою маленькую дочь и сердце его наполнилось теплом. Кроме внешности, она была очень похожа на дочь, которую он себе представлял! Неважно. Дочь ещё маленькая, ее можно обучить. В будущем она будет хорошо питаться, обязательно станет такой, какой он себе ее представлял. - Хорошо, отец. Гу Синь кивнула, все ещё находясь в растерянности. Она никогда не видела, как отец готовит, но очень хотела попробовать его кулинарные шедевры. Гу Шоусин повернулся к Цай Сяолинь, которая всё ещё лежала, закрыв глаза, и улыбнулся, направляясь на кухню. Гу Синь подбежала к кровати и присела у изголовья, тихонько прошептала: - Мать, мать, отец собирается приготовить нам еду. Мать, отец больше не ленится. Мать, отец зовёт меня Синь Синь. Мать, может, ты тоже будешь звать меня Синь Синь в будущем и чаще улыбаться мне? Неважно, будешь ты бить меня или ругать. Мать, я так рада! Мать, отец сказал, что больше никогда не будет играть... Цай Сяолинь закрыла глаза, почувствовав легкую грусть. Эта маленькая девочка была очень жалка. В воспоминаниях прежней хозяйки тела, эта маленькая девочка часто не доедала, много работала, ее игнорировали родной отец и сестра, а родная мать постоянно ругала. Она всегда казалась очень робкой. Но послушайте, какой приятный голос у этой девочки. Он такой сладкий, что проникает в самую душу. Когда отец готовит ей еду и мать улыбается, она радуется как ребёнок. Какая же это несправедливость! Цай Сяолинь решила впредь хорошо относиться к этой маленькой девочке. Она даст ей возможность стать обычной девочкой, жизнерадостной и позитивной. - Синь Синь. Цай Сяолинь открыла глаза и улыбнулась. Гу Синь была в шоке. Она думала, что ее мать проснется немного позже, поэтому, сидя на корточках, присела на пол. - Ой, я тебя напугала! Вставай, на полу холодно! Погода такая холодная! Цай Сяолинь не ожидала, что ее внезапное пробуждение так испугает ребёнка. Она быстро встала и помогла встать девочке.